

советизм, значение которого закреплено во всех словарях советского и постсоветского периода, но добавил в его структуру новый смысл. Качество, которое в советском политическом и массовом дискурсах преподносилось как позитивное, в тексте поэтическом описано с иронической коннотацией.

Изучение советизмов как лингвистических маркеров эпохи с помощью анализа словарных статей позволяет сделать вывод не только о специфическом пласте лексики, значениях и формах советизмов, но и о коммуникативной позиции языковых личностей, которые использовали противототалитарный язык, о том говорящем, который трансформировал лингвистические значения и формы новояза. Так, советизмы, умело применяемые В.С. Высоцким в пародийных целях, несут информацию об историко-социальных особенностях эпохи, а также об авторском отношении к важным вопросам жизни современного ему общества.

Литература

1. Контрразведывательный словарь. Высшая краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1972. URL: <http://enc-dic.com/kontr/Bditelnost-884.html> (дата обращения: 21.02.2018)
2. МАС: Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 696 с.
3. Новиков В.И. Высоцкий. Жизнь замечательных людей: сер. биограф. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 474 с.
4. ТСЯС: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
5. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность, 2011 URL: <https://books.google.ru/books> (дата обращения 28.02.2018)

References

1. Counter-intelligence dictionary. The Supreme Red Banner School of the State Security Committee at the Council of Ministers of the USSR. F. E. Dzerzhinsky, 1972 URL: <http://enc-dic.com/kontr/Bditelnost-884.html> (date of circulation: February 21, 2018)
2. MAS: Dictionary of the Russian language. In 4 vols. T. 1 / ed. A.P. Evgenieva. - 3-ed., The stereotype. – M.: Russian language, 1985. - 696 p.
3. Novikov V.I. Vysotsky. The life of remarkable people: ser. biogr. -M.: Young Guard, 2010. - 474 p.
4. Tsyas: Mokienko V.M., Nikitin T.G. Explanatory dictionary of the language of the Sovdepi. – St. Petersburg: Folio-Press, 1998. – 704 p.
5. Shestakova LL Russian author lexicography: Theory, history, modernity, 2011 URL: <https://books.google.ru/books> (accessed on February 28, 2013)

УДК 81`42

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЛОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Чумак-Жунь Ирина Ивановна

доктор филол. наук, доцент

заведующий кафедрой русского языка и русской литературы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / chumak@bsu.edu.ru

Аннотация

Речь в статье идет о механизмах и средствах дискурсивного воздействия на языковые элементы. Намеренные языковые стратегии дискурса могут обусловить возникновение новых значений, новых лексем, новых лексических парадигм, возможно – даже нового варианта языка. В данной статье как объект воздействия представлена семантическая структура слова, как субъект – политический дискурс. Выявлены стратегии и тактики дискурса власти, определяющие реализацию регулярного общепринятого употребления слова в новом значении, которое переходит в узуальное значение слова, со временем закрепленное в лексикографических источниках.

Ключевые слова: полисемия, словарь, дискурс власти, воздействие, поэтический текст.

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF A WORD AS A RESULT OF DISCURSIVE IMPACT

Chumak-Zhun, Irina Ivanovna

Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Philology
Belgorod State National Research University / *chumak@bsu.edu.ru*

Abstract

The article deals with means (пробел) and transmissions of discursive impact on language elements. The intended language strategy of a discourse can cause emergence of new values, new lexemes, new lexical paradigms and, it is possible, new option of language. The semantic structure of a word is presented as the subject of influence in this article. The political discourse is presented as the object of influence. The article is defined the strategy and the tactics of a discourse of the power defining realization of the regular standard use of a word in a new value which turns the word over time fixed in lexicographic sources.

Keywords: polysemantic, dictionary, discourse of the power, influence, poetic text.

Введение

Многоплановость единиц современного русского языка находит свое отражение в многозначности большого количества его лексических элементов. Многозначность обуславливается не только строением языка, но и мышлением человека, его биологическими предпосылками и способностью к классифицирующей и обобщающей деятельности. Очевидно, что в языковом аспекте полисемия предполагает общий семантический элемент или общие семантические ассоциации между денотатами. Таким образом, многозначность – это такое внутреннее строение слова, когда несколько понятий, которые реализуются в форме иерархически организованных значений, обладающих общим семантическим признаком, объединяются одним языковым знаком – материальной оболочкой.

Одна из основных причин возникновения многозначности объясняется принципом экономии и заключается в том, что ресурсы языка ограничены по сравнению с бесконечным многообразием явлений действительности. Именно этот признак определяет наше стремление использовать одну и ту же звуковую оболочку для называния различных денотатов. «Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов», – отмечает В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 17].

Лингвистическую сущность полисемии объясняет, кроме того, и номинированная С.О. Карцевским асимметрия языкового знака. Знак и значение асимметричны – они обычно не покрывают полностью друг друга: один и тот же знак «стремится обладать иными функциями, нежели его собственная», а значение «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский 1965:86]. Лексема и семема как знак и значение находятся в неустойчивом равновесии, так как, являясь устойчивыми при выполнении коммуникативной функции, становятся подвижными по отношению к требованиям определенной ситуации или конкретного контекста.

И здесь возникает вопрос – что за ситуация или контекст могут «спровоцировать» возникновение нового значения? Остановимся на случаях, когда этот процесс можно считать регулируемым, то есть обусловленным деятельностью определенного дискурса, например, политического (здесь стоит уточнить – дискурса власти, так как политический включает в себя еще и дискурс оппозиции). Намеренные языковые стратегии дискурса власти, которые являются частью символической политики, могут определять возникновение не только новых значений, но и новых лексем, новых лексических парадигм, возможно – даже нового варианта языка. В качестве примера такого варианта можно назвать новояз, который господствовал в языке официальных документов и периодики конца советской эпохи. Изучение новояза как лексикографического источника в целом благодатный для лингвиста материал, но не менее интересно обратиться к

отдельным его единицам, в которых, как в капле воды, отражаются основные дискурсивные процессы.

Основная часть

Сегодня хотелось бы обратиться именно к этому процессу – изменению лексического значения одной из изначально нейтральных лексем – лексемы *красный*. **Цель нашей работы** – определить, каким образом дискурсивное воздействие может повлиять на семантику этой языковой единицы. Появление нового значения этого слова и фиксация его в словарях обусловлены знаковым характером языковой единицы, в соответствии с чем имеет смысл рассмотреть этот знак во всех трех характерных для семиотики аспектах – в аспекте семантики, синтактики и прагматики. Так как этот процесс является во многом искусственно спровоцированным и служит определенным целям дискурса власти, то начнём с прагматики.

Прагматика языкового знака.

В дореволюционных словарях прилагательное *красный* не было идеологически маркированным, фиксируясь преимущественно в двух значениях: 1) в значении цвета (колористическом) и 2) в значении, «вскрывающем» внутреннюю форму слова – ‘красивый’ (см. Даль). Наблюдаемое изменение прагматического блока лексического значения обусловлено, 1) идеологическими установками того времени, 2) ценностным восприятием цвета, закрепленным исторической памятью коллектива.

Новой власти требуется новая мифология. Мифология, воплощенная в образе революции, обретает соответствующую символику, один из главных элементов которой – цветопись. Определить, возник ли красный как цвет революции в народном сознании стихийно или был искусственно сформирован наряду с другими элементами символической политики, сложно (да и не нужно?). Не вызывает сомнения, что для его идеологизации (соответственно, для идеологизации семантики прилагательного) были серьезные основания:

– эстетические: этот чистый, насыщенный и яркий цвет испокон веков представлял особую ценность для русского коммуникативного сознания. В прилагательном *красный* просвечивается его внутренняя форма – исторически исходным было значение ‘красивый, хороший’.

– символические: эталоном красного цвета, судя по словарным толкованиям, является не только цвет крови, но и цвет огня. Эти символы удовлетворяли революционным амбициям и оказались очень уместными в революционном перечне: возникло и стало пропагандироваться официальное представление о красном цвете как о цвете крови борцов, погибших за правое дело революции, а фраза А. Одоевского *из искры возгорится пламя* «при посредничестве» В.И. Ленина стала огненным девизом Октября;

– культурный контекст: символика красного цвета – наследие героических традиций Великой французской революции, где красный и белый цвета символизировали две враждебные партии, соответственно, революцию и контрреволюцию. После Октябрьской революции прилагательное *белый* приобрело заимствованное значение «контрреволюционный», с которым оно противопоставлялось слову *красный* – «революционный».

Почему революции нужен новый цвет? Одно из важных заданий власти – так «перекрасить» цветовую картинку в сознании масс, чтобы цвет, сохраняя эстетическую ценность, определял характеристики базовой для любой идеологии оппозиции *свои/чужие*. Цвет должен был характеризовать *своего*. Образы эксплуатируются революционной мифологией, становятся символами. Этот процесс обусловлен важнейшей инструментальной функцией языка политики в эпоху революции – функцией мобилизации [Шейгал 2000: 49-50], то есть активизации или организации сторонников. Особенно важна в данном случае мобилизация сторонников из детской и молодежной среды. Именно этот слой общества, который 1) имеет гибкое сознание; 2) исполнен природной энергией, характерной возрасту; 3) переходит от свойства быть объектом

социализации к свойству быть субъектом социальной деятельности, способен стать апологетом навязываемой идеологической картины мира. Именно для них слово *красный* должно было стать символом нового мира.

Несомненно, для формирования романтического юношеского сознания особенно важна символическая, героическая атрибутика. Тактика символической политики разнообразна – от глобального внушения до избирательной работы с отдельными возрастными группами детей. Власть видоизменяет отдельные фрагменты картины мира, «заряжая» их идеологически. Изменение цветовой картины мира – яркий тому пример.

Идеальным инструментом для «выполнения подобной работы» является пресса. В 20-30-е годы в стране создана разветвленная сеть детских газет и журналов, задача которых – формировать мировоззрение человека нового советского типа, эффективно влиять на развитие личности будущих строителей общества социальной справедливости. Система пионерских журналов разрабатывается на государственном уровне при активном участии Н.К. Крупской и А.В. Луначарского. Детские политизированные СМИ в начале XX века («Пионерская правда», «Пионер», «Костер») активно эксплуатируют поэтическое творчество для формирования идеологической картины мира. В них печатаются самые известные и любимые писатели Советского Союза. Символическая политика действует в этих текстах на читателей разного возраста.

Синтактика языкового знака.

Одним из самых ярких и откровенно идеологически заряженных примеров удачного выполнения идеологического заказа является Гимн пионерской организации – песня «Взвейтесь кострами, синие ночи...», которая впервые была исполнена на большом пионерском слете в Сокольниках, а потом издана в виде отдельной листовки и большим тиражом распространена по Москве, которую по заданию высшего партийного руководства в 1922 году написал 18-летний А.А. Жаров.

В этом знаковом идеологическом произведении в доминантных текстовых позициях используются лексемы, имплицитно или эксплицитно обозначающие красный цвет. Символическое начало, которое поддерживается синтагмой *красное знамя*, символизирующей свободу, включает и номинация *костры* (Взвейтесь кострами, синие ночи...). Представление о красном цвете возникает в контексте описания праздничного шествия (*радостным шагом, с песней веселой*), что продуцирует ассоциативный ряд с перцептивными и идеологическими единицами, которые, повторяясь вновь и вновь в тексте гимна-марша, прочно укореняются в сознании: *путь – огонь – пионеры; радость – песня – комсомол; красное знамя – дети рабочих*.

Творчество замечательного советского детского поэта – С.Я. Маршака – не столь декларативно, но едва ли менее успешно в плане формирования идеологизированного образа страны. В его творчестве используется другая тактика, связанная, скорее, с суггестией. Два известных стихотворения – «Красная страница» и «Ноябрь» – дают представление об особенностях формирования цветовой картины мира у детей дошкольного возраста. В стихотворении «Красная страница» идеологические компоненты в описании мира оказываются в доминантной позиции. Знакомство с красным цветом осуществляется через уже известные, эмоционально и эстетически привлекательные для детского сознания образы (*Красное солнце. Красное лето*). В этот ряд включается, вероятно, новый для малыша, но имеющий важную идеологическую нагрузку образ – *Красная площадь Флаги полощут*.

Это познавательный текст, рассчитанный на самый младший возраст, прагматика его, на первый взгляд, предельно прозрачна – освоение колоративной картины мира через поэтический текст, но анализ показывает, что не менее важной задачей текста является передача идеологической информации, обладающей определенной ценностью: красный – ‘красивый’, ‘хороший’, ‘важный’, ‘цвет Родины’, ‘цвет флага’, ‘наш цвет’.

Напротив, в стихотворении «Ноябрь» (из цикла «Времена года») задача идеологического характера – познакомить детей с революционным праздником –

оказывается на первом плане. Поэт практически не предлагает информации об истории и героях праздника. Он представляет этот день через перцептивное восприятие, причем доминируют положительные эмоции, связанные с красным цветом – цветом радости, единства, свободы. Автор заполняет мир революционной символикой, дважды используя местоимение *весь*, обозначающее исчерпывающее количество.

Оба стихотворения впервые были опубликованы в периодических изданиях – «Разноцветная книга» в одном из сборников библиотеки «Огонек» за 1946 г., а «Круглый год» в газете «Комсомольская правда» за 1945 год.

Подобные ассоциации постоянно выступают как средство воздействия на сознание читателя детских журналов. Причем в некоторых случаях индивидуальность начисто стерта – формируется коллективное сознание: *Он красный галстук носит Ребятам всем в пример. Он – девочка, он – мальчик, Он – юный пионер!* (Сергей Михалков. Мой друг, 1939 г.)

Описанную стратегию дискурса власти по формированию идеологической картины мира можно определить как манипулятивную, при которой, при участии СМИ посредством поэтического текста выстраивается новая субъективно пространственно-временная организация, новая модель мира. При этом используются самые разнообразные тактики воздействия на чувства адресата – от навязчивого декларирования до мягкого внушения

В целом ряде программных для наших советских поэтов текстов фразеологизированные сочетания со словом *красный* с практически выхолащенной перцепцией служат уже лишь выразительными знаками нового мира. Лексема *красный* практически утрачивает цветовое значение, она служит идеологическим целям дискурса власти. Номинации красного цвета оказываются среди основных перцептивных характеристик советской Родины, «подтягивая» и атрибуты, которые вызывают гордость у сопричастных: *красное знамя, красные звезды, красный галстук.*

Семантика языкового знака.

Итак, идеологическое значение слова *красный* закрепляется в словарях советского времени, начиная с 30-х годов (Ушаков). Революция 17-го года – это красная революция. Красный шлейф тянется за событием уже век, окрашивая не только символы и знаки, но и страну в целом. Идеологизированное восприятие красного цвета – неотъемлемая часть картины мира советского (да и «постсоветского») человека: *Много красной у нас материи, Всем рубахи пошьем вам, братва.*

История отражается в языке. Бурные события новой истории показали это очень наглядно. Среди ярких лингвистических маркеров нашей современности – романтическое сочетание *цветные революции*, за которым стоят не всегда романтические, но очень часто страшные события. Стихийная (на первый взгляд) цветовая экспансия (*революция роз, оранжевая, тюльпановая* и т.д.) восходит к тщательно продуманной политике экспансионизма. Символика, в том числе цветовая, – часть этой политики. Революция формирует идеологию масс. Важно обозначить причастность – не к восстанию, не к мятежу – к «цветовому братству», найти при этом подходящее слово: революция в Украине не *оранжева* (слишком «по-русски»), не *жовтогаряча* (слишком простонародно), а *померанчева* (очень по-западному, практически по-польски). Цвет – это только один из элементов, который изменяет массовое сознание, сетку координат, но в политике нет мелочей.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972. – 612 с.
2. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. Ч. 2. – С. 85–93.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. – М.; Волгоград, 2000. – 367 с.

References

1. Vinogradov V. V. Russian language. Moscow, 1972. 612 pp.
2. Kartsevskii S. O. On the asymmetric dualism of a linguistic sign // Zvegintsev V. A. The history of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Moscow, Part 2. 1965. Pp. 85–93.
3. Sheigal, E. I. Semiotics of political discourse. Moscow, 2000. 367 p.